

Золотые перья России

Роскошный книжный магазин «Библио-Глобус» в ТРЦ «Фокус» представляет своих гостей – выдающихся российских писателей, посетивших Челябинск накануне волнительных событий в нашей нескучной стране. Кстати, книжный магазин – это и культура, и бизнес вместе под одной юридической обложкой. Причем наиболее яркие авторы бестселлеров нередко являются незаурядными промоутерами своих нетленных трудов, то есть, по сути, успешными предпринимателями. Например, Захар Прилепин, ему и первое слово...

Ильдар Абузаров

член РСП,
лауреат новой Пушкинской премии

Захар Прилепин

член РСП, лауреат литературных премий:
им. Козакова, «Ясная поляна»,
«Национальный бестселлер»,
«Супернацбест»

Алексей Варламов

доктор филологических наук,
профессор МГУ, член РСП,
лауреат литературной премии «Большая книга»

Павел Басинский

член РСП, критик,
лауреат литературной премии «Большая книга»

Захар Прилепин: Огромное спасибо за приглашение в Челябинск поэту Александру Попову и литератору Нелли Пашук из физико-математического лицея № 31. Все, что делают эти замечательные люди, преисполняет меня радостью и удивлением. Спасибо и Ольге Вахитовой, директору «Библио-Глобуса», за шикарную подачу наших книжек. Столь полное собрание своих сочинений в одном месте я, пожалуй, нигде не видел. Наверное, и мои товарищи тоже.

Алексей Варламов: Да-да, даже не очень верится, что я написал столько. Вот эту книжку вообще впервые держу в руках, даже не успел ее прочитать... Написать успел, а прочитать нет. Но, Захар, ты лучше расскажи про Павла Басинского, его имя теперь гремит на весь мир, а сам он такой тихий, застенчивый.

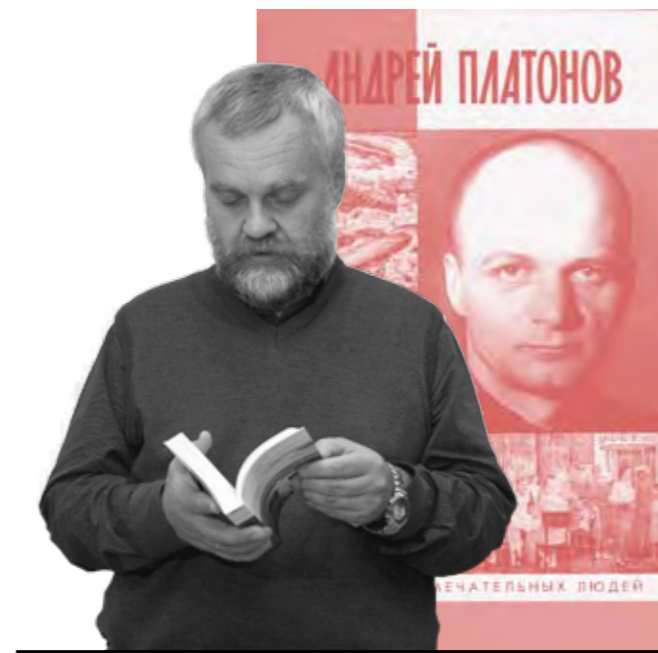
Павел Басинский: Мне тут задали серьезный вопрос о противостоянии Толстого и церкви. В «Бегстве из рая» он затронут мимоходом, там больше семейная история. Конфликт Толстого и церкви обострился, главным образом, в начале XX века, а при советской власти был, как бы, заморожен. От новой власти пострадали и церковь, и толстовцы. Колоссальное количество священников уничтожили, церковь фактически была разрушена. Толстовские коммуны, кстати, достаточно успешные в хозяйственном плане, тоже все были разогнаны. Поэтому при советской власти этот конфликт не имел почвы. Сейчас он снова возникает, потому что церковь все больше набирает авторитет, становится влиятельной культурной силой. Ее противостояние с Толстым опять актуально. Он ведь фактически отрицал церковь, с чем она, разумеется, не может смириться. Но я думаю, ее отношение к Толстому могло бы стать более терпимым. Однако мы будто вернулись в начало XX века. Это ужасно. Будто мы снова живем накануне революции. Никаких подвижек со стороны церкви. Как был глухой конфликт, так и остался. Парадокс в том, что толстовство в России не прижилось, а вот Ганди действительно воплотил эти идеи. Сначала в ЮАР, где он жил во время англо-бурской войны и проводил политику непротивления завоевателям, когда противнику, например, помогали выхаживать раненых. Потом Ганди воплотил толстовские идеи в Индии, там они действительно заработали. Как и в Японии, где есть много школ, опирающихся на педагогическую систему Толстого. А у нас они как-то не очень развиваются. Вспомним и духоборов, которым Толстой помог выехать за границу. Они во многом совпадают с ним по мировоззрению. Колония духоборов сохранилась в Канаде до сего дня.

Толстой и церковь — очень сложный вопрос. Каждый его решает для себя сам. Для человека верующего это вопрос о спасении в загробной жизни. Или ты находишь спасение в церкви, или вне церковных стен. Толстой предлагал искать спасение вне, чего церковь принять не может, утверждая, что спасение возможно только через церковные таинства. Сегодня

Захар Прилепин: Поначалу Басинский был более известен как критик, не ведающий пощады к подвернувшимся под руку писателям. Вдруг в нем что-то преломилось, и он ушел в самые высокие и широкие сферы литературоведения — в жизневедение. Написал изумительную книжку о Максиме Горьком и взялся за Льва Толстого. «Бегство из рая» принесло Павлу оглушительную популярность. Книжку читают целыми семьями. Мы с родными садимся за стол и начинаем говорить про него, а не про меня. Он написал больше, чем о Толстом. А о том, как мы все живем, как строятся отношения между мужчиной и женщиной, отцом и детьми, человеком и богом. Упоительная книга. Паша сделал изумительное дело: литературоведение стало массовым явлением, трендом современной литературы.

много воцерковленных людей, но немало и тех, что считают себя верующими, но не идут в церковь по разным причинам. Что-то не пускает их туда, хотя люди и верующие. А церковь их жестоко отсекает, мол, если вы не с нами и вне церковных стен, значит, вы неверующие.

Алексей Варламов: Я тут вижу четыре свои книжки из серии «ЖЗЛ»: «Михаил Пришвин», «Алексей Толстой», «Михаил Булгаков» и только вышедшего «Андрея Платонова». Нет «Александра Грина» и «Григория Распутина». Андрей Платонов для меня абсолютная величина, в XX веке никем не превзойденная. И после него не хочется ни о ком писать. Его судьба, отношение к людям тронули меня более всего. Впрочем, мое личное отношение к герою не принципиально. Читателю важен персонаж, человек. И я пробую показать героя с разных точек зрения, ставлю его в центр и расставляю много камер: в партере, на галерке, где-нибудь сзади, сбоку, сверху, чтобы получилась более объемная и сложная фигура. И я пытаюсь спорить с предубеждениями читателя. Когда писал о Булгакове, моим воображаемым оппонентом был православный человек, считающий, его, может, и хорошим писателем, но сатанинским. И вообще, дескать, Булгаков был наркоманом, а его талант проявлялся только в наркотических бдениях. Я пытаюсь показать читателю, что все было много сложнее. Или, скажем, Распутина многие называют исчадием ада, погубившим Россию. Зато другие считают его оклеветанным масонами и почитают достойным канонизации. Опять-таки, этот герой не укладывается в прокрустово ложе расхожих мнений.

Вспомним, как либералы презирали Алексея Толстого за то, что якобы он был холуем и лакеем. Начиная о нем книгу,

и я думал написать эдакий разоблачительный роман с обилием черной краски, гневных эмоций: мол, как низко может пасть русский писатель и вообще человек. И опять же все оказалось сложнее. В нем, конечно, были нижние этажи, но много и верхних. Он был безумно талантливым, что проявилось уже в Серебряном веке. Но даже и в советском времени он совершенно не укладывается в жесткие каноны соцреализма. Он глубоко любил Россию. Это был исконный, биологический патриотизм человека, не способного жить без родины. Здесь нагляден заочный спор Толстого и Бунина, для которого России после 1917 года не существует. Для Бунина Красная Россия — аксюморон. Либо Россия, либо Красная. А Красной России не может быть. Бунин ничего не пишет про советскую Россию, весь уходит в прошлое. И старая орфография, и старый календарь. А про новую страну знать ничего не желает. Хотя в дневнике все отмечает. Для Толстого аксюморона была бы Россия конечная. Россия не может кончиться. Красная, Белая или Желтая, — важно, что Россия. Большевицкая — черт с ней, неважно. А без России нет и его самого. После Гражданской войны он возвращается в Россию не потому, что подлец и его подкупили, он просто не может жить без нее.

Кстати, мое собственное отношение к советскому прошлому было гораздо жестче, чем сейчас, когда я написал эти книги и увидел людей, которые тогда жили. Все неоднозначно. Не надо никого судить, рядить, навешивать ярлыки: Булгаков — сатанист, Толстой продался Сталину, Грин — алкоголик... Надо понять их трагедию и все честно показать читателю, ничего не утаивая.

Захар Прилепин: Поскольку от наших умных речей Ильдара Абузяров потерялся, я его представлю. Он первый писатель, с кем я познакомился в нижегородской газете «Дело». Ильдарики был там спортивным обозревателем, когда я уволился из ОМОНа и пришел работать в газету. Мы выходили покурить, поболтать, вдруг узнаю, что он пишет рассказы. Попросил почитать. Они меня потрясли. Я-то думал, что безвестный нижегородский парень пишет какую-нибудь чепуху, галиматью графоманскую, но его рассказ «Троллейбус, идущий на Восток» оказался упоительным. В России популярна латиноамериканская литература, Борхес, Катарта... Их покупают тоннами. А у нас есть Абузяров. Он будто питается латиноамериканскими корнями и пишет замечательным, уморительным, цветным языком, играя со смыслами, совмещая мусульманский и христианский миры и создавая тончайшую мозаику. Вот его «Хуш», серьезная книга про террористов, и «Курбан-роман» — сборник изящных рассказов. Ильдарики и сподвиг меня на писательство. Чем я хуже? И тоже стал писать книги. Про жизнь людей. Меня волнуют одни и те же простые темы: отношения между мужчиной и женщиной и бытие России во все времена. Я хотел бы написать большой исторический роман. Один из образчиков для меня — Алексей Толстой, о котором Леша Варламов написал замечательную книжку. Толстой отметился в самых разных,

зачастую противоположных жанрах. Он писал классические фантастические книги, как «Гиперолоид инженера Гарина» и «Аэлита», он начинал как поэт, народнический, потом символистский. И написал несколько очень хороших стихов. Потом сотворил безусловную эпопею «Хождение по мукам», классический русский роман «Хромой барин» и т.д. и т.п. Толстой поработал во всех уголках литературы. Мне тоже хочется писать книги разные по ощущениям, по жанрам. Все свои шесть лет в литературе я славился влюбленным отношением к жизни, витальностью, а теперь решил сделать все наоборот и написал «Черную обезьяну». Как меня ругали за нее! Мол, мы тебе верили, Захар, ты так хорошо писал про женщин, а теперь что? А мне просто захотелось всех позлить. Зато сейчас возьму и напишу другую книжку, которая опять будет добрая: бабушка, осы, арбуз, счастье, деревня, пастораль. Всем будет опять хорошо, и все, кто успел разлюбить, снова меня полюбят.

Захар Прилепин: Недавно состоялась встреча писателей с премьер-министром. Пригласили и меня. Читает ли меня господин Путин, не знаю. Сведущие люди говорили, что читал. А Медведев сам вслух признался. Я подвозил своих соседок-бабушек на дачу и гляжу, как они смотрят на меня с придыханием: «Вас Медведев читает». — «Да ладно, что вы?» — «Он по телевизору сказал: читаю Прилепина и Пушкина!» Так мой статус в деревне поднялся на 200%. Думаю, чиновники мало читают. А меня, скорее, потому, что глаза намозолил. Но с литературой у них отношения слабые. Непосредственно наблюдал Владимира Владимировича, как он озирает приглашенных писателей, не очень понимая, кто эти люди. Что-то он знал про Веллера, а по остальным так скользил взглядом... Когда какая-нибудь голова о чем-то заговорит, его взгляд фокусируется, но огонек узнавания не вспыхивает, типа, о, этого человека я знаю. Кстати, история с Шевчуком. Очень смешная. Как если бы королева Елизавета спросила у Пола Маккартни: ты кто такой вообще? Но я думаю, Путин знает Юру, музыканта. Просто у него такая брутальная манера сразу поставить человека на место: дескать, представься, прежде чем со мною разговаривать.

Что касается экранизации моих книг, мне не их жалко отдавать киношникам. Даже неудачная экранизация побуждает зрителей к покупке книги, чтобы узнать, как было на самом деле. Вышла экранизация Кары «Мастера и Маргариты», и тут же в списках продаж роман — первым номером. Оказывается, полстраны еще не прочитала. Выходит сериал Бортко — и опять Булгаков первый по продажам. И я торгую своими книгами, а не экранизациями, право на которые могу отдать кому угодно: неизвестному дебютанту или Никите Михалкову. Например, роман «Санька» раз шесть собирались экранизировать. Раз три покупали права. Мне выгодно: деньги заплатили, я их потратил, а стыда никакого. Фильм-то все равно не вышел. Можно еще продать. И неплохо жить. Права у покупателя заканчиваются и возвращаются ко мне. Если кто-то захочет купить, я еще раз продам с удовольствием. А «Саньку» не ре-

Алексей Варламов: По своим детям и студентам я вижу, в них нет ужаса, что мы живем в каком-то кошмарном царстве-государстве. Может, подобное было в 90-е годы, когда казалось, что завтрашнего дня просто не будет. Да, негатива сегодня много, но этому можно как-то противостоять. В помощь и церковь, ее усиливающаяся роль кажется фактором положительным. Да, мне не нравится сказанное отцом Всеволодом Чаплиным про Набокова и Маркеса, — ну и что? Или Павел сказал, что церковь должна иначе относиться к Толстому. Я не очень понимаю, как она может изменить отношение к его богохульственным высказываниям? Мне многое не нравится в нынешнем времени, но я не хочу назад. Советское начало несло на себе печать обреченности. И то, что произошло с нами, случилось не потому, что пришли какие-то злые дядьки и уничтожили великую страну. Мы сами себя изнутри изъели.

комендуют к экранизации там, наверху... О чем мне поведал серьезный человек. Даже если захочет Никита Сергеевич, ему скажут: «Никита, мы тебя любим, но про революционеров-то зачем?» Этой экранизации не будет никогда, хотя опять обратились режиссеры. Ну, я еще раз продам, а то, что им не дадут снимать, я ничего не скажу. И на «Патологию» покупали права.

Андрей Панин, восхитительный актер, он еще фильмы снимает (о Гагарине), купил права на «Патологию». Тут звонит: «Захар, у нас тема Чечни закрыта, снимать нельзя, давай перенесем действие куда-нибудь в Абхазию». — «Ради бога, Андрей, хоть во Вьетнам перенесем, все равно». Они тыкались, мыкались: нельзя целый роман перетащить из Чечни в Абхазию. Все надо менять на корню. Так что и «Патологии» не будет. Режиссер Алексей Учитель собирается экранизировать повесть «Восьмерка». Там про 90-е годы, но нет ни Чечни, ни революционеров. Такой «антибумер». Может, получится. Еще есть два кино-проекта, не назову, боюсь сглазить. И еще есть, но тут я ничего не боюсь. Наверняка ничего не получится. Мой агент в Германии написал, что голливудский продюсер заинтересовался рассказом «Убийца и его маленький друг» про Чечню. В Голливуде снимут, если захотят. Но вряд ли. Поэтому ничего не жалко. Все отдам, продам с потрохами. И еще напишу. Паша, я тут опять увлекся собой...

Павел Басинский: Издатели решили реорганизовать серию «ЖЗЛ» и пригласили писателей, которые стали писать о писателях. Кучу биографий написал Алексей Варламов, Дмитрий Быков написал о Пастернаке и Окуджаве, Прилепин — о Леониде Леонове, я — о Горьком. Впрыск адреналина оживил серию. Но тут же в ней стали издавать все подряд и звать всех

авторов без разбора. Сегодня «ЖЗЛ» надо покупать осторожно. Вот Кузичева написала биографию Чехова. Ей можно доверять, серьезный чеховед. Ну, может, скучноватая биография, зато авторитетная. Но когда я вижу Хемингуэя, написанного, как его... Чертановым, который на самом деле не Чертанов, а какая-то девушка, я не буду забивать голову недоброкачественной информацией. Подожду, когда о нем напишет серьезный американец.

А еще шибко расширился круг людей, которые стали замечательными. Не хочу никого обижать, но в серию стали попадать недавно умершие актеры. Да, популярные, но почему вдруг их биографии встали в ряд с Наполеоном, Горьким, Булгаковым, Гагариным? Затоварились издатели, надо объявить локаут... Что касается биографии Горького, я старался дать ее в максимально полном объеме. Гораздо сложнее обстояло с Львом Толстым. О нем колоссальная литература, невероятная! Не только наша, но и зарубежная. Поэтому я писал именно об уходе Толстого. Кстати, последняя монография на эту тему у нас вышла 50 лет назад, а на Западе за эти годы вышло немало книг. Кстати, столетие со дня смерти Толстого мы прошляпили. Ни одного фильма не создано! А из книг, кроме моей, вышло только капитальное исследование священника Георгия Алиханова «Православная церковь и Лев Толстой».

Алексей Варламов: Коротко оправдаюсь за свое. Первая моя книга написана о Михаиле Пришвине, о котором практически ничего не было. В советское время его легендарный дневник вообще не использовался, его стали печатать только в 90-е. Здесь у меня практически никаких конкурентов не было. То же и с Александром Грином, о котором написано немного. Была хорошая книжка Вадима Ковского 1967 года, но тогда он о многом сказать не мог. Теперь документальный жанр в отличие от художественной литературы объективно в хороших условиях. В советское время цензура точно не дала бы ходу биографии Булгакова. Об Алексее Толстом раньше писали или бронзовые советские биографии, или разоблачительные довольно глупые статьи, пытаясь слепить какого-то дурачка из столь противоречивой фигуры. И с Булгаковым и Платоновым ситуация очень непростая. Есть хорошая книжка Мариэтты Омаровны Чудаковой — «Жизнеописание Михаила Булгакова», вышедшая в 1987-м. Уже было относительно свободное время, и после нее появилось на свет много новых текстов о Булгакове. Был найден и опубликован его дневник и донесения секретных агентов НКВД. Появились новые документы и факты. Когда мне предложили написать биографию Булгакова, я не стал делать вид, что Чудаковой не существует. Напротив, моя книга во многом построена, как полемика с ней. Чудакова судила примерно так, что Булгаков в 30-е годы все-таки дал слабину, скажем, в пьесе «Батум». Я пытаюсь показать, что этот его якобы «прогиб» перед властью хорошо объясняет собственное мировоззрение Мариэтты Омаровны, но не самого Булгакова. Еще я полемицирую не в связи с ее книгой,

а с более поздними (в начале нулевых годов) некорректными высказываниями в адрес Елены Сергеевны Булгаковой: будто она была тайным агентом НКВД. Журналисты все преумножили, намекнув, что и сам Булгаков был нечист. Механизм клеветы был запущен. Я постарался защитить достоинство женщины, которую подозревали в том, чего она не совершала.

И о Платонове. Я очень долго не хотел браться за него, потому что сильно его люблю. Ну, Басинскому удалось собственный субъективизм: Толстой всегда прав. А я так не могу. Мне в каком-то смысле истина дороже. У каждого писателя есть скелет в шкафу. А без него писатель будет не понят. Когда очень любишь героя, то скелет есть и промолчать о нем вроде как нельзя. И писать нельзя. Я все ждал, кто-нибудь другой напишет про Платонова. Мне дико интересна его судьба. Мы его не понимаем. За кого он? За белых, за красных? Как он относился к происходящему в стране? Как понять «Котлован»? Эта книга за коллективизацию или против? При появлении она вызвала либеральный восторг! Вот, мол, Платонов чуть ли не главный враг советской системы. Но какой он враг, если долго был сторонником социализма? Эти противоречия надо, если не примирить, то хотя бы объяснить. Вокруг Платонова огромная научная школа. Миллион монографий, статей, диссертаций. Они объясняют его язык, позицию, какие-то литературные связи... Но биографии Платонова до сих пор не было. Выходили книжки Челмаева и Васильева в советское время, по понятным причинам неполные. Вышла книжка Михаила Веллера «Андрей Платонов в поисках счастья», но она как раз получилась шибко либеральной. Платонов был хороший, пока писал «Чевенгур» и «Котлован», а потом он — как у Чудаковой — прогнулся перед системой, стал восхвалять Сталина. В общем, сдулся ваш Платонов. Я пытаюсь полемизировать. И за Платонова взялся потому, что хотел такую книгу прочитать. Я написал ее для того, чтобы понять, что же такое Андрей Платонов? Это самая трудная из всех моих биографий. В отличие от других Платонов не был для меня *tabula rasa*. Когда я брался за биографию Алексея Толстого, то знал о нем примерно столько, сколько средний читатель. Я когда-то читал «Петра I», «Хождение по мукам» и «Золотой ключик». И все. А тут стал узнавать тайны его происхождения, его Серебряный век, дуэли, скандалы... и передо мной вышла совсем другая фигура. Зато про Платонова я знал много, писал в диссертации, в статьях, но эта биография заняла у меня больше всего времени и сил. Я считаю ее для себя самой главной.

Захар Прилепин: Из новинок серии выделю книжку Льва Данилкина «Юрий Гагарин». Все, что пишет Данилкин в качестве критика и исследователя, мне дико нравится. Особенно «Человек с яйцом» об Александре Проханове! Гениальное произведение, новое слово в биографическом жанре. А книга о Гагарине интересна тем, что, делая ее фрагментарно, насыщая цитатами из разных источников, Данилкин вдруг умудрился все показать и доказать, сказав о советском строе все, все, все...

Павел Басинский: Во всем мире налицо взрыв интереса к Льву Толстому: в Америке, Японии, Европе. Университет в Сан-Паулу (Бразилия) недавно пригласил *Владимира Толстого*, директора музея «Ясная Поляна», праправнука Льва Николаевича, *Игоря Волгина*, крупнейшего достоевсковеда, который в последнее время занимается поздним Толстым, и меня поговорить о Толстом. Три дня мы по очереди выступали перед очень внимательной аудиторией. Бразильцы взялись переводить Толстого на португальский не с французского языка, как раньше, а непосредственно с русского. Один переводчик перевел «Войну и мир», «Анну Каренину» и «Воскресенье». Колоссальный труд. Перевели и поздние повести: «Отец Сергей», «Хозяин и работник», «Крейцера соната». Переводят его дневники. Зато в Европе резко сократились кафедры, которые изучали русский язык и литературу. Переводов с русского мало, специалисты уходят на другие кафедры, например украинского языка. Но в Сан-Паулу русский изучают 50 человек. Такой вот парадокс... Что-то Ильдар у нас заскучал...

Ильдар Абузаров: Я прекрасно себя чувствую. Тут отдельный маленький столик, как ставят маленьким детям, когда собираются взрослые дяди поговорить. У меня есть пирожное, думал, может, достать и с удовольствием слушать умных дядь. Это занятно. В какой-то момент мое сознание рассеялось... Я хочу сказать про школу. Мне кажется, детям некоторых писателей преподавать нельзя... Писатель — это человек, который эмо-

ционирует, откликается на какие-то проблемы. Эмоция должна доходить чистой, а не через какую-то казуистику. Нельзя ребенку ничего навязывать... скучных «Отцов и детей»... Есть вещи, которые нужно преподавать через эмоциональный ряд. А что-то с глубоким философским подтекстом надо переносить на поздний возраст. Может, я говорю кощунственные вещи? Детям надо читать стихи, как-то гармонично развивать их через игру. В разных европейских музеях я наблюдал: перед картиной Гойя (знаете его страшный цикл) или перед абстракционистами в Германии, перед сюрреалистами, — садятся дети, и им говорят: рисуйте. Музеи переполнены рисующими детьми. Вот ребенок рисует солнышко какое-то, вообще не связанное с картиной, которая перед ним. Учитель его хвалит: молодец, отличный рисунок! Малыш видит картину Гойи или Фриды и тут же рисует свое, в его сознании происходит синтез. Так же надо и с литературой находить какие-то точки соприкосновения. Тогда она будет развиваться. 90-е годы вообще были черной дырой, туда все ухнуло. Сейчас в литературе не так все плохо. Тиражи растут, хотя сам рынок и сокращается, но интерес к литературе есть. Точка невозврата пройдена. Общество, несогласное с тотальной ложью в телевизоре, ищет правду в интернете, в книгах.

Алексей Варламов: Русский язык и литература в школе бывают невеселые. Какие-то книги читать детям действительно трудно, но все равно в них что-то западает, пусть скучное, потом прорастает и оказывается необходимым. В школе должно быть трудно. Зато потом будет гораздо лучше. Обидно упускать детство, когда сердце наиболее отзывчиво. Самое первое впечатление, которое может быть утрачено, невосполнимо. То, что литература отменена как обязательный предмет, — кто-то ругает, кто-то нет. Всякие возмущения гаснут. Но если найдется сила, воля, структура, которая объединит протестные настроения в какое-то движение, наверное, появится какой-то смысл. Общество подошло к черте, когда становится понятно, что именно русская литература способна дать нравственную прививку, а не просто сумму знаний. Если мы лишим этого детей, неизвестно что из них вырастет, и с какими угрозами общество потом столкнется. Но деятели во власти не хотят ничего слышать. Должно произойти что-то экстраординарное. Что именно? Не знаю.

Ильдар Абузаров: Я отвечаю, — мне показалось, камень в мой огород. Но я не говорил, что надо отменить литературу. Требуется изменить методику преподавания. Конечно, если дети даже краем услышат что-то значимое, оно войдет в их сознание.

Захар Прилепин: У меня худо-бедно четверо детей, и приходится покупать детские книги постоянно. Находок в хорошей детской прозе у меня не было. Зато в поэзии случаются. И какие-то игровые побасенки отлично развиваются. Есть замечательный поэт Варгизов. Он отлично усвоил такую абсурдистскую мане-

ру «а ля староанглийские стихи»... Еще встречаются сборники «Классики» в интересных обложках. Ну и старые взрослые мастера. Юнна Мориц выпускает волшебные книжки. Хорошая поэзия есть. А прозы нет. Очевидно, если какие-то константы нравственности бытия потеряны во взрослом обществе, то откуда нам сегодня взять Аркадия Гайдара? Что современный Гайдар будет описывать? Этих ублюдков из организации «Молодая гвардия»? Их нельзя детям показывать. Где найти сюжеты, которые будут сегодня вызывать у детей доверие? В детской литературе все должно быть честно до невозможной степени.

Ильдар Абузаров: Проблема в том, что мир стремительно развивается, а взрослые, которые пишут детскую литературу, просто не успевают за изменениями. Мы тут разбирали рассказ: кто-то катается на санках, разбивает лоб, потом идет к маме, ищет ее в магазине. Фактически автор списывает историю со своего детства. Может, где-то кто-то и катается, но в Москве давно ни горок, ни санок. Ребенок сидит в интернете, выйдет, погуляет чуть-чуть, как бы его выведут подышать немного. И ни к какой маме он не побежит. У него есть сотовый телефон... Правильно сказал Захар, что детская литература должна быть абсолютно честной. Ее трудно писать, сложнее, чем взрослую книгу. Автор должен быть погружен в мироощущение сегодняшнего ребенка предельно глубоко и тонко. Сфальшивить нельзя...